

The background of the cover is a digital illustration of a person in a blue hooded robe riding a dark horse across a desert landscape. The scene is set at sunset or sunrise, with a warm orange and yellow sky and a bright sun low on the horizon. Several birds are flying in the sky. The overall mood is adventurous and historical.

ИРИНА ПЕРВУШИНА
ПЕСНИ ВЕЛИКОЙ
ПУСТЫНИ

ЭЛЕКТРОННАЯ
БУКВА 2024 №1

ЛОНГ-ЛИСТ

Литрес

Ирина Первушина

Песни Великой пустыни

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70960813

SelfPub; 2024

Аннотация

Мир сломался. Впереди только кровь, распри, войны и гибель в огне. Единственный человек, способный остановить это, отказался от своих сил. Что предпримут духи-хранители, чтобы всё исправить? В сказочном мире поющих песков столкнутся лоб в лоб, чтобы измениться навсегда: выживальщик, идеалист, бунтарка, делец, путеводительница, интриган, попаданка наоборот и многие другие. А пески уже снова поют...

Содержание

Часть 1. Начало	4
1.1	4
1.2	24
1.3	46
1.4	72
Конец ознакомительного фрагмента.	80

Ирина Первушина

Песни Великой пустыни

Часть 1. Начало

1.1

Жара... Невыносимая жара... Она осязаема. Она обволакивает, душит, вытягивает все жизненные силы. Она связывает и лишает возможности двигаться надёжнее любых цепей. Хотя цепи тоже есть – такие же обжигающе горячие. Их снимут только через неделю пути, когда бежать станет некуда. Да и сил на побег и сопротивление уже совсем не останется...

Бесконечный день за бесконечным днём длинный караван шёл через Великую пустыню Нузара. Укрытая тканью раскалённая клетка мерно качалась из стороны в сторону в такт неспешным шагам несущего её на себе верблюда. Рыжий пленник лежал на грубом полу этой тесной жаркой тюрьмы

в бредовом забытии. Ему, конечно, не давали умереть, но и оставлять опасному бунтарю хоть какие-то силы на дерзкие выходы никто не собирался.

Предрассветные сумерки лишь недавно сменили ночную тьму. Молодой дозорный, с вечера сидевший на смотровой площадке высокой башни богатейшего караван-сарая на побережье, потянулся, потёр слипающиеся глаза и опять уставился на море. Вдруг его внимание привлёк чуть слышный пушечный выстрел. Парень вскочил и пристально взгляделся в полутёмную даль. Есть! Боясь получить вместо обещанной золотой монеты десяток плетей за промедление, дозорный тут же перегнулся через парапет и что было сил проорал:

– «Заря» входит в гавань, хозяин! Скоро будет в порту

Бехмут Рахт, самый известный караванщик Нузара, как только услышал это известие, стремительно собрался, выбежал во двор, вскочил на коня и погнал его за ворота. Солнце ещё не показалось над плоскими крышами окрестных домов. Улицы небольшого приморского городка были пусты.

Не сомкнувший глаз за эту бесконечную ночь Бехмут во весь опор проскакал через сонную и непривычно тихую базарную площадь, затем направил коня к заставе. Стражники только-только открыли тяжёлые кованые ворота. Караванщик промчался мимо них, не останавливаясь. Воины успели

лишь приветственно стукнуть копытами о землю. Вот уже и порт. На причале тоже было безлюдно. Бехмут осадил взмыленного коня, привстал в стременах и осмотрелся.

«Никого нет! Отлично! Пусть себе спят! Не хватало ещё, чтобы главы других торговых кругов начали путаться у меня под ногами. Я должен первым увидеть то, что привёз Тозаль! Он, конечно, называет себя моим другом, но когда дело касается таких денег и милости владыки... Тут никому нельзя доверять».

Тем временем к причалу подошёл большой парусный корабль. Пока тот швартовался, караванщик спешил и быстрым широким шагом направился к смотрителю порта. Вскоре Бехмут опять стоял на пристани, уже в сопровождении двоих широкоплечих стражников при полном вооружении. Один из них держал в руках явно не лёгкий кожаный мешок. Наконец-то с корабля на берег перекинули сходни. Караванщик, не дожидаясь никаких приглашений, стремительно поднялся на борт, где его уже встречал сам капитан.

Бехмут узнал о Тозале больше десяти лет назад. Тогда этот уже немолодой, но ещё никому не известный джерзегский головорез лишь недавно собрал свою шайку, чтобы попытать счастья в охоте за живым товаром на море. На трёх видавших виды галерах Тозаль обшаривал побережье в на-

дежде добыть хоть что-то стоящее. И смог-таки ухватить удачу за хвост! Новоявленные пираты наткнулись на потерпевший крушение торговый корабль. Тозалю достался не только богатый груз тканей, но и несколько выживших. Почти всю добычу разбойники тут же сбыли в ближайшем порту, но вот проститься с одним из пленных капитан не спешил. Это был необычной внешности чужеземец: маленький и щуплый как ребёнок, он оказался взрослым воином и сражался за свою свободу как дикий голодный зверь за добычу. Когда навалившимся скопом пиратам всё-таки удалось связать его, Тозаль очень крепко задумался, кому же продать такое невиданное чудо, чтобы не продешевить.

Вот тогда-то ему и рассказали про «уважаемого господина Рахта» – главу круга караванщиков Нузара. Мол, если кто и заплатит дороже всех, то только он. Но сразу предупредили: обычный живой товар господин Рахт не берёт. Исключительно лучшее из лучшего и редкие диковинки. Ведь покупает не для кого-нибудь, а для самого великого султана и богатейших вельмож Нуриша!

Ради знакомства со знаменитым караванщиком Тозаль месяц пробыл в море, но добрался до нужного порта и показал Бехмуту свою добычу. Тот дикаря купил, отвесив столько золота, сколько капитан не видел за всю свою жизнь. С тех пор они и стали вести совместные дела. Господин Рахт удачу ценил и всегда прикармливал её любимчиков.

Два года назад Тозалю посчастливилось захватить подби-

тую в сражении быстроходную кордийскую каравеллу. На нузарские заработки капитан смог полностью восстановить корабль и оснастить его отличными пушками. «Заря Джерзеги» стала наводить страх на моряков всего Восточного побережья, как коршун на цыплят. Смертоносный для любых пиратов королевский флот Кордии никогда не заходил в эти воды, а у местных держав не было больших кораблей.

Теперь Тозалья на Востоке звали не иначе как «Белый Лев» за его седые волосы и жестокий нрав. На рынки Нузара удачливый пират стал доставлять полные трюмы всевозможных грузов и ещё больше, чем раньше, рабов, среди которых частенько оказывались достойные взгляда господина Рахта редкости.

– Бехмут-бей! Какая честь! Солнце только-только вышло в путь, а ты уже у меня в гостях! Проходи, дорогой! Проходи! Чем я обязан несказанной радости сердца видеть тебя сегодня? – Тозаль, радушно улыбаясь, протянул визитёру крепкую мозолистую ладонь и помог взойти на борт.

«Ах ты, старый пройдоха! – Бехмут, пожимая руку капитана, тоже широко улыбнулся. – Прекрасно ты знаешь, зачем я к тебе пожаловал...»

– Тозаль! Приветствую на берегах Нузара! Как охота? Где бывал? Удалось поймать что-нибудь интересное?

– Интересное? – Белый Лев сверкнул глазами из-под седых косматых бровей. – Пожалуй. Кое-какая славная рыбка попала в сети. Сразу посмотришь мой улов или пойдём сперва чаю попьем?

– Сразу. – Бехмут нетерпеливо тряхнул головой. – Прости, но чай пить мне совсем некогда. Караван уже почти готов. Времени на переход через пустыню осталось в обрез. А у меня...

– До сих пор нет достойного подарка для владыки, – закончил за него улыбающийся Тозаль. – Я угадал? Угадал. Понимаю тебя, дорогой мой. Понимаю. Вай, как нехорошо! Как нехорошо! Так ведь на то и нужны друзья, верно? Я тебя всегда выручал, помогу и на этот раз! Мой корабль как орёл летел к тебе через три моря на всех парусах, чтобы успеть вовремя!

Капитан кинул хищный, жадный до наживы взгляд на тяжёлый, позвякивающий в руках стражника мешок и громко хлопнул в ладони, крикнув:

– Эй, кто там! Раба с кормы сюда! Живо, медузы дети!

Вскоре шестеро матросов приволокли достаточно длинную, но узкую и невысокую – всего по пояс взрослому человеку – железную клетку, а затем с грохотом поставили её перед капитаном. Белый Лев, со ставшей ещё шире улыбкой, заявил гостю:

– Вот, уважаемый! То, что тебе нужно! Самый лучший подарок, достойный великого султана! Вёз специально для

тебя, дорогой мой друг! Только для тебя!

С большим сомнением глянув на старого пирата, Бехмут принялся рассматривать неподвижного раба внутри клетки внимательнее. Тот сидел, крепко обхватив жилистыми руками подтянутые к самой груди колени, будто желая закрыться от всего мира. Рыжеволосая голова опущена. Лица не видно. На сплошь покрытой недавними шрамами белой спине остро выделяются крылья лопаток, ребра и позвоночник.

Караванщик презрительно скривился, сплюнул и развернулся к хозяину корабля.

– Этот крашенный хной полосатый задохлик?! Ты что, смеёшься надо мной? Да его даже львам на корм не продашь! Кожа да кости! Знаешь, Тозаль, я был о тебе гораздо лучшего мнения. Прощай! Мне некогда!

– И ты даже не поглядишь на его лицо? Неужели не интересно?

Капитан быстро махнул рукой, и четверо дюжих пиратов, вооружившись боевыми ухватами-рогачами, тычками заставили раба расцепить руки, раскрыться и лечь на спину, а затем крепко прижали его к полу. Ещё один моряк просунул за решётку руку и развернул голову обездвиженного пленника лицом к посетителю. Бехмут нехотя подошёл ближе и присмотрелся.

«Вот так-так...»

Он хотел было что-то сказать Тозалю, но в этот момент раб дёрнул головой и, оставив клочок рыжих волос в руках пи-

рата, смог отвернуться в другую сторону.

– Ах ты, паршивый пёс! Подожди, уважаемый! Сейчас всё исправим! – Белый Лев уже оказался рядом с клеткой. – Сейчас ты его получишь в лучшем виде! Эй, вы!..

– Стой! – крикнул, вскинув руку, Бехмут. – Не нужно. Я видел достаточно. Я покупаю. Не порть мой товар. Но нам есть, о чём поговорить. Где там твой чай?

Лицо старого пирата расплылось в самой масляной из улыбок, которые караванщик когда-либо видел.

– Конечно, дорогой друг! – почти промурлыкал Тозаль. – Конечно! Я заварил для тебя самый лучший чай! Такой чай, какой только сам гуйланский мандарин по большим праздникам пьёт! Прошу тебя, о фонтан в саду души моей, проходи вот сюда – в тень. И мы с тобой всё-всё обсудим.

Когда давнишние знакомцы удобно расположились под большим полосатым тентом за накрытым на палубе столом, капитан наполнил расписные пиалы сладко-пряно пахнущим чаем и спросил:

– Итак, уважаемый. Что ты хочешь о нём узнать? Я ведь по глазам вижу: этот груз тебе понравился. Да. Красивый раб – что породистый конь. Всегда нужен в свите богатого человека. Тем более – самого владыки! Служить убранством тронного зала – честь для любого раба! А этот – прекрасный как сказочный дух пустыни – как будто для того и создан! Я знал, что ты мой улов сразу оценишь. Очень уж он хорош. И лицом, и телом. Лучшее из того, что когда-либо попадалось

в мой невод! Не зря я вёз его для тебя из самой Кордии!

– Из Кордии?! – искренне удивился Бехмут, отпивая чай. – И тебя там не схватили, чтобы вздёрнуть на рее? Что-то новое.

– Вздёрнуть? – Белый Лев громко расхохотался. – А это ты видел?

Капитан достал из-за пазухи увенчанный большой печатью документ, с явной гордостью развернул и показал его собеседнику, пояснив:

– С тех пор, как Кестера сбросили с трона, в Кордии всё по-другому. Я теперь личный капер его нового благословенного величества Шарля Мадино! А королевский флот меня охраняет! Вот так. Да у меня сейчас в трюме бунтовщиков из Ньетто больше, чем бывает селёдок в бочке!

Тозаль бережно спрятал свой документ обратно.

– А этого вот красавчика, – капитан кивнул в сторону клетки, – мне продал их новый король лично! Так что я теперь у берегов Кордии – самый желанный гость. Сейчас отторгуюсь на вашем рынке и опять поплыву до Ньетто за новыми дармовыми рабами. Их в Норрвальдо теперь отгружают за сущие гроши! Даже ловить никого не надо: приходи и забирай из тюрьмы сколько хочешь! И не какие-нибудь там полудохлые отбросы, нет! Все как один: сильные, поджарые, злобные, что ваши степные волки! Лучшие бойцы Кордии! Тебе часом не нужны такие? Отдам не очень дорого. Только тебе, как другу!

– Интересно. Вот как всё меняется в этой жизни. – Бехмут задумчиво огладил окладистую бороду и снова посмотрел на клетку. – Нет, другие рабы мне сейчас не нужны. Даже такая редкость как ньеттийцы. Расскажи лучше про этого. Он из самой Кордии? И зачем его там выкрасили?

– Обижаешь, дорогой мой. Обижаешь честного моряка! – Тозаль поставил пиалу и слегка отстранился. – Разве я хоть раз привозил тебе порченный или поддельный товар? Этот раб такой и есть: рыжий как огонь! Поверь мне, за то время, что мы были в море, любая краска давно сошла бы с волос. Он на самом деле рыжий!

– И откуда же такое диво? – всё ещё недоверчиво глядя на капитана, протянул Бехмут. – По-настоящему каурые рабы даже через мои руки ни разу не проходили.

– Ты мне не поверишь, дорогой друг, но он из Ньетто! Да-да. Чистокровный! Оказывается, среди этого крикливого приморского воронья могут рождаться такие вот жар-птицы! Редко – один на тысячу – но могут! Только они, как мне сказали, обычно прячут волосы под платки так, чтобы никто никогда их масть не видел. Какие-то там с этим суеверия связаны... А с учётом того, что до сих пор взрослых ньеттийцев почти невозможно было заполучить в рабство, немудрено, что нам с тобой такие огоньки прежде не попадались.

– Допустим. – Бехмут соблаговолил кивнуть и примирительно отпил глоток чая. – А почему он в клетке? Чего ты эту золотую рыбку в отдельном садке держишь? Чтобы дру-

гие не покусали, что ли?

– Покусали... – Снова берясь за пиалу, Тозаль скривился так, словно хлебнул чего-то давно прокисшего. – Его, пожалуй, покусает... Нет. На то, чтобы везти рыжего именно так, были совсем другие причины... Думаешь, раз он такой худой да бледный, так ни на что не способен? О нет. Твой красавчик не так-то прост. У этой рыбки зубы такие, что крокодилу хребет перекусить могут. Потому я и решил доставить его не куда-нибудь, а прямо к тебе.

Капитан отпил ещё глоток чая и продолжил:

– Ты не смотри, что он такой тощий. Поверь, если дать ему волю, он даже сейчас голыми руками убьёт лучшего воина. Да. Мне всё-всё об этом рабе рассказали, когда доставили из самой страшной их тюрьмы: что он умеет, что знает, на что способен... В общем, всё, кроме его прошлого имени. Да и кому оно теперь нужно? А ещё предупредили, что его ни в коем случае нельзя держать вместе с остальными нъетийцами. Они, мол, если своего рыжего в неволе увидят, так с ума все сойдут да начнут охране зубами глотки рвать. Говорят, что эти дикари таких вот каурых считают даром богов и защищают от чужаков до последнего. А привезли мне твоего красавчика вот в этой самой клетке, словно настоящего дикого зверя. Кстати, смотри, дорогой, какая удобная вещь! Видишь щель снизу? Как раз подходит, чтобы миску корма протолкнуть или ящик с песком поменять. Потому как отпирать клетку ни в коем случае нельзя. Да. Слишком опасно.

Я сам убедился!

Тозаль поставил пиалу, прижал руки к сердцу и для большей достоверности три раза кивнул.

– Вот послушай. Твой рыжий был жутко изранен после пыток и долго валялся у меня тут без сознания в страшной горячке. Один из корабельных рабов-слуг подошёл и стал убирать за ним в клетке. А эта неблагодарная зверюга, не приходя в себя и не открывая глаз, вдруг так схватила чистильщика за горло и прижала к решётке, что тот сразу же лишился чувств и почти помер. Хорошо, мои ребята оказались рядом. Навалились рогачами, накинули удавку да слегка придушили этого, как ты сказал, «задохлика», и только потом смогли разжать его стальные пальцы. Вот как было дело.

Я сразу приказал приковать руки-ноги зверя вплотную к углам клетки, чтоб даже не трепыхался больше. Так это прекрасное чудовище и лежало на растяжку, пока окончательно не пришло в себя. Тогда я велел кандалы снять, чтобы шкурку его побереечь. Но приказал кормить так, чтобы только с голоду не подох. Да. Больше на слуг он не нападал, но от этого раба можно ожидать чего угодно. Он разом и красив, и опасен: как огонь, как даавский лев, как острейший клинок гардоррской стали! Знаешь, уважаемый, с кем из людей его только и можно сравнить? С вашими кири! Да. Я бы сказал, что он – один из непобедимых, ведомых духами старейшин народа кири...

– С кири?! – резко перебил Бехмут. – Ты хоть сам понял, что сказал, Тозаль? Откуда в их Кордии возьмётся вождь кири?! Ты в своём уме вообще? Это же полная чушь!

Он со стуком поставил пиалу на стол так, что выплеснул чай на узорную скатерть. Тозаль поджал губы и немного помолчал, а затем наклонился к собеседнику.

– Может быть, это и чушь, уважаемый, – произнёс Белый Лев так тихо, будто боялся, что его кто-то подслушает. – Но я тебе скажу по старой дружбе. Хочешь остаться в живых – относись к нему так, будто это самый настоящий воин кири! Представь, что у тебя за решёткой сидит сам Ризав!

Этот разговор нравился Бехмуту всё меньше и меньше. Он недовольно взглянул на капитана и нахмурил брови.

– И зачем тогда мне этот дикарь? Он что, в тронном зале в клетке и цепях стоять будет? Как я его, по-твоему, должен дарить владыке? Да кому нужна вся эта красота, если он на людей кидаться будет как бешеный каракал? Ты кажется забыл, что мне сейчас нужен редкий драгоценный камень, а не дичь для королевской охоты!

Старый пират загадочно улыбнулся и отпил чай. Потом взглянул на мрачного Бехмута с хитрым прищуром и спросил:

– А что ты скажешь, уважаемый, если я за отдельную плату продам тебе секрет его полного послушания? Такой замечательный секрет, что этот вот самый зверь безо всяких цепей, кнутов и клеток перед тобой на задних лапках запрыга-

ет и выполнит любой приказ? А? Это будет тебе интересно? Только представь себе, как будет доволен владыка, когда ты подаришь ему такую невиданную редкость! Сказочно красивый, сильный как лев и вдобавок – совершенно покорный раб небывалой масти. А? Что скажешь?

Бехмут не торопясь допил чай, двумя руками аккуратно поставил пиалу на стол, а потом отодвинул её от себя. Он не смотрел сейчас на капитана, но всем существом чувствовал, что тот замер в нетерпеливом ожидании ответа.

«О да, дорогой мой! Попереживай немного! Тебе полезно. Я ведь могу заплатить больше всех. А могу и просто уйти отсюда...»

Наконец Бехмут поднял голову и посмотрел на внешне совершенно невозмутимого Тозаля.

– Если всё так, как ты говоришь, то это в самом деле будет достойный подарок, – неторопливо начал караванщик. – Тогда я возьму и твоего рыжего зверя, и его секрет. Напои раба сонным зельем понадёжнее, проверь, чтобы точно уснул, а потом доставь ко мне в караван-сарай. Только так, чтобы мою покупку никто не видел. Нечего всем нашим купцам и прочим портовым бродягам на него пялиться да сплетни разносить. Но если ты меня сейчас хоть в чем-то самом малом обманываешь, у тебя во всём Нузаре никто никогда больше никого не купит! Ты меня знаешь, Тозаль.

– Никакого обмана, уважаемый! – Белый Лев быстро поднял перед собой открытые ладони, а затем снова взялся за

пиалу с чаем, стараясь спрятать довольную улыбку. – Этот секрет поведал мне тот, кто смог изловить зверя и засадить его в клетку. Я тебе сейчас всё-всё расскажу. Да. Вернее, дам почитать один забавный кордийский документ. А теперь давай-ка обсудим цену и раба, и его секрета да составим купчую.

Надеюсь ты, дорогой мой, не станешь сейчас скупиться. Иначе я буду просто вынужден искать на него других покупателей среди очень и очень многих охотников за подарком султану ко дню рождения...

Тозаль, после того, как Бехмут сошёл на берег, а полученное за рыжего раба золото было надёжно закрыто в большой кованный сундук с хитрым замком, вызвал подручных и дал указания. Шестеро рослых матросов выслушали его, затем окружили всё ещё стоявшую на палубе клетку и силой влили в рот проданного Рахту ньеттийца двойную порцию лучшего снотворного.

– Отлично. – Наблюдавший за этим Белый Лев довольно потёр руки. – Теперь отпустите его.

После того, как данзейский хронометр оттикал целый час, Тозаль тихо подкрался к неподвижно лежащему в клетке рабу. Присел как мог подальше и, внимательно глядя в лицо пленника, быстро коснулся его ступни длинным, раскалён-

ным на конце прутом. Рыжий не шевельнулся. Ухмыляющийся Тозаль встал и подумал:

«Всё в порядке: спит зверюга! Как убитый спит! Иначе уже прыгал бы по клетке и орал на весь корабль. Да. Я своё дело знаю! Меня не проведёшь!»

Он отвернулся от пленника и, подозвав нескольких матросов, приказал:

– Так. Сейчас смажьте ожог на ноге раба, надёжно укройте клетку лучшей плотной тканью и доставьте уважаемому Бехмут-бею в его караван-сарай. Затем живо назад. У вас будет ещё одно дельце.

Подручные Тозаля грохнули клетку на пол, сгребли с неё ткань и неуклюже поклонились, заявив на корявом нузар:

– Провалется так до завтрашнего утра, господин. Зелье надёжное. Спит крепко. Капитан проверял.

– Хорошо. Свободны.

Бехмут дождался, когда принесшие его покупку пираты уберутся восвояси, и присел, чтобы наконец-то получше разглядеть своё приобретение. Человек в клетке неподвижно лежал на спине, вытянувшись почти в полный рост.

Караванщик придвинулся ближе к решётке и принялся придиричиво рассматривать нового раба с головы до ног, как осматривал бы только что купленного скакуна или породи-

стого пса.

«Да уж... Тело как у статуи... Белая кожа... Роскошные волосы... Были когда-то. Но сейчас, после тюрьмы и долгой перевозки в клетке... Тозаль, конечно, окатил тебя сегодня пару раз из ведра, чтобы смыть трюмную вонь, да как-то морду побрил, но и только... Оно и понятно. Зачем старому крабу было себя утруждать? Он прекрасно знал, что я тебя и такого куплю...»

Да... Ты сейчас – как редкий драгоценный камень, который хорошенько так изваляли в навозе. Но ничего, ничего. Я-то вижу, каким ты можешь быть. Я твою породу сразу оценил. Взял бы даже крашеного. А ты оказался и вправду рыжий! Но об этом пока что буду знать только я... Уж слишком редкая у тебя масть... Да... А привести тебя в полный порядок, мой дорогой прекрасный дух пустыни, я сумею. Даже не сомневайся. Ты ещё послужишь славе нашего владыки! Будешь как самый яркий огненный алмаз в его короне. А что касается всех этих песен Тозаля про твою силу, так не больно-то я ему и поверил. Ты ведь далеко не первый зверь, оказавшийся в моих руках. Я сразу вижу по телу: кто и на что способен. Кто боец, а кто просто украшение. Ты не из силачей. Это точно. Вон какие кости тонкие. И ростом не особо вышел. Не в чём тут силе держаться. Старый ушлый лис наверняка просто хотел содрать с меня двойную цену, выдавая золотую рыбку за акулу...»

Намечая будущие работы для слуг, Бехмут стал пригля-

дываться ещё внимательнее.

Необычайно светлая, почти сплошь покрытая недавними тёмными шрамами кожа пленника была сероватой, очень сухой, шершавой, кое-где потрескалась и туго обтягивала изуродованное голодом тело. Ярко-рыжая очень густая грива длинных до середины груди, когда-то наверняка красивых волос давным-давно потеряла блеск, спуталась и сбилась в многочисленные колтуны.

Новый владелец диковинного товара протянул руку внутрь клетки и осторожно убрал с лица пленника беспорядочно свалявшиеся лохмы. От открывшегося вида у Бехмута снова захватило дух:

«Хорош! Ай, как хорош! Отличная особь! То, что надо!»

Продолговатое лицо пленника, несмотря на болезненную худобу и плохо сбритую щетину, было удивительно приятно взгляду. Оценив общую картину, Бехмут стал пристальнее вглядываться в отдельные черты раба.

«Так. Лоб чистый, высокий. Морщины. Не беда... Их можно скрыть причёской или украшениями. Брови. Тут ничего делать не надо. И так хороши: густые, но не очень, и цвет приятный. Ресницы длинные, тёмные. Губы тонковаты, но это не беда. С такой лёгкой улыбкой как сейчас, это даже красиво. Надо будет сказать об этом Кафазу. Пусть заставляют нашу рыбку улыбаться вот так, краешками рта всё время. Да. Это будет красиво.

Теперь нос... А что нос? Большеват, конечно. И горбатый

как верблюд... Но тебя не портит. Даже наоборот. Делает похожим на хищную птицу. Я бы этот клюв выделил ещё больше: украсил бы по всей длине до самой переносицы золотыми колечками с камнями. Да... Я бы так и сделал. Но это уже владыке решать...»

Тут по лицу раба будто бы пролетела лёгкая тень. Он глубоко вздохнул, чуть повел головой и улыбнулся во сне ещё шире. Весь его облик преобразился так, словно с зеркала смахнули тонкую прозрачную ткань.

Бехмут смотрел на покупку как заколдованный, не в силах оторвать взгляд.

«О, это чудо на самом деле стоит всех отданных за него денег! Тозаль ещё продешевил... Я бы заплатил и дороже, если бы видел тебя таким. И что за чушь нёс этот старый выжига? Какой из тебя безумный кровожадный зверь? Ты ведь небось за всю жизнь даже курице шею не свернул! Только на то и способен, что улыбаться. Но большего от тебя и не потребуется. Как же красиво ты будешь смотреться стоя на коленях у трона владыки! Лучше любой статуи! Да. Ты не рыбка. И не птица. Ты настоящий огненный дух из лампы. И определённо принесёшь мне удачу и выполнишь все желания!»

Я повезу тебя как хрупкую драгоценность в надёжном ларце... Есть у меня подходящая кибитка из джерзегского дуба. Там и качать не так сильно будет, и подушек можно будет побольше положить. Я всё для тебя сделаю. Отдохнёшь

за время дороги, отъешься, придёшь в себя. А уже в Нурише будем приводить в порядок кожу и волосы... Да. Так всё и будет. Но нужно проверить ещё кое-что...»

Он вынул длинный кинжал и достаточно сильно кольнул раба в плечо. Тот не шелохнулся. Только перестал улыбаться и чуть громче выдохнул. Бехмут довольно кивнул, надавил рукоятью клинка на подбородок пленника, открывая тому рот, и внимательно осмотрел зубы.

«Порядок. Все целы. Как же интересно тебя пытали: ни морду, ни пасть, ни кости не тронули... Так готовят на суд, чтобы показать людям, а потом казнить... Но меня это не касается. Главное: все зубы на месте. Это хорошо. Иначе пришлось бы потратить время и проколоть тебе губы, чтобы навесить замок. Нельзя же оскорблять взгляд владыки таким уродством! Но тебе мои замочки не пригодятся. Пока что...»

Вдоволь насмотревшись и ещё раз поздравив себя с весьма выгодным приобретением, Бехмут поднялся и позвал слуг. Нужно было готовиться к предстоящему переходу через пустыню в Нуриш и заняться другими рабами.

1.2

Дойдя до конца длинного коридора, Бехмут вспомнил, что отдал слугам не все распоряжения. Он щёлкнул пальцами от досады и более быстрым шагом направился обратно к той комнате, где стояла клетка с недавно привезённым от Тозаля рабом.

Вот и нужная дверь. Но что-то было не так. Почему ничего не слышно?

Бехмут, чтобы контролировать время, которое слуги тратят на выполнение заданий, всегда заставлял подручных негромко петь за работой и нещадно наказывал, если они этого не делали. А сейчас всё было до жути тихо. Почуввав неладное, караванщик осторожно заглянул в щель незапертой двери и потерял дар речи, потому как слов описать то, что он почувствовал, увидев творившееся в комнате, ещё не придумали.

Тозаль всё-таки не соврал: рыжий раб действительно был очень опасен и мог обмануть кого угодно. Как оказалось, несмотря на все проверки, снотворное на него не действовало вовсе.

Открытая клетка была пуста. Трое дюжих слуг лежали на полу без движения. А с бесчувственного четвёртого, того, что поменьше ростом, ньеттиец уже заканчивал проворно снимать так необходимую ему для побега одежду.

В тот момент, когда Бехмут, как ему казалось, совершенно бесшумно заглянул в щель, раб вдруг замер, а потом вскинул голову и зло посмотрел прямо на него. Не помня себя от страха, караванщик в тот же миг захлопнул широкую дверь и, как мог быстро, задвинул массивный засов.

В следующий же миг раздался жуткий грохот. Это в дверь с чудовищной силой что-то ударило изнутри. Побледневший Бехмут отскочил к противоположной стене коридора и во весь срывающийся голос закричал, созывая стражу. Дверь с оглушительным шумом содрогнулась ещё дважды, но опять выстояла.

Коридор заполнился вооруженными людьми. Удары в дверь прекратились. Всё стихло. Поняв, что опасность миновала, Бехмут пришёл в себя, достал из-за пояса заряженный пистолет, взвёл курок и прокричал:

– Сдавайся, раб! Мы уже поняли, что тебе оттуда не вырваться. Дверь крепкая дубовая – в три пальца толщиной! И я ведь не просто так потратил целое состояние на самые дорогие гардоррские стальные петли и засовы! Их никому не выломать! На окне, как ты видишь, – надёжная решётка! Если ты сейчас же не сдашься, я просто повешу на дверь замок и забуду сюда дорогу. Через неделю ты будешь со слезами на глазах ползать, умоляя меня войти и посадить тебя на цепь за кусок лепёшки и глоток воды! Хочешь так?

Из-за двери не донеслось ни звука. Бехмут довольно усмехнулся и почувствовал себя уверенней.

– Тозаль пел мне, что ты смышлённый. Проверим. У меня здесь полно стражи с пистолетами и копьями. Тебе не сбегать! Я просто велю пристрелить тебя, как бешеного пса! Или можешь вернуться в клетку целым и невредимым. Но только если сдашься сам. У слуг в этой комнате было оружие. Возьми все их кинжалы и воткни в дверь. Потом ложись на пол лицом вниз, руки – на затылок. Сделай это прямо сейчас, иначе останешься здесь голодать на неделю, а потом хорошенько так отведаешь солёного кнута! Пара десятков лишних шрамов на твоей и так уже исполосованной с головы до пят шкуре не принесут мне ни дхама убытков!

Раб не ответил. Бехмут стоял, по-прежнему прижавшись к стене, и считал удары сердца в горле. Сила, конечно, была на его стороне, но всё происходящее было слишком необычно и могло закончиться чем угодно.

Вдруг запертая дверь снова с треском содрогнулась. Из её середины показались острия двух кинжалов. А потом – ещё двух.

У Бехмута, который очень живо представил себе, с какой нечеловеческой силой нужно было ударить, чтобы пробить толстую дубовую дверь насквозь, всё внутри похолодело так, словно он оказался ночью в сердце зимней пустыни. Но караванщик постарался не подать виду и только кивнул. Потом оторвался от стены и встал позади стражников.

– Приготовить пистолеты! Копья вперёд! Открыть дверь! Зайти внутрь! – скомандовал он, изо всех сил стараясь гово-

рить спокойно и громко.

Воины выполнили приказ. Бехмут подождал немного в коридоре и прислушался. Не уловив звуков борьбы, он тоже вошёл в комнату и осмотрелся. Бунтарь в указанной ему позе замер на полу под прицелом пистолетов и копий. Недалеко от входа на боку лежала открытая клетка.

«О духи... – Сердце Бехмута очередной раз упало куда-то вниз. – Так вот чем он пытался вышибить дверь...»

Лицо раба снова скрылось за спутанными волосами. По сравнению с высокими стражниками тощий ньеттиец казался маленьким, хрупким и безобидным. Но Бехмута этим было уже не обмануть. Безумно злобный, прожигающий решимостью убивать всех на пути взгляд рыжего демона он запомнит на всю жизнь.

«Нет, зверюга. Больше ты меня не проведёшь! Хватило и одного раза. Ишь, притворился спящим! Знал, мерзавец, что красив, и воспользовался этим, чтобы усыпить бдительность, а потом сбежать... Но больше я тебя с цепи не спущу! И не позволю пасть разевать!»

Бехмут ещё раз посмотрел на брошенную на бок тяжеленную клетку, потом на вогнанные в крепкую дверь по самую рукоять кинжалы, который раз помянул в уме пройдоху То-заля, зло сплюнул на пол и начал быстро раздавать приказы стражникам:

– Вы четверо, прижмите этого крашеного копыями к полу покрепче. Ты – бегом за кузнецом и строгими кандалами.

Остальным – охранять порядок и быть настороже. Всё время держите мерзавца на прицеле и, чуть дёрнется, – стреляйте ему по ногам. А ещё лучше сделаем вот что. Дазал! Придуши-ка этого прыгуна на время. Только очень аккуратно, как ты это умеешь. Так. Готов? Точно? Теперь можете отпустить. Одежду принесли? Быстро снарядите раба для перевозки по пустыне. Но пистолеты не убирать!

Несколько минут спустя на пленнике впервые за долгое время появилась хоть какая-то одежда. Длинный просторный балахон с глубоким капюшоном полностью скрыл тело и голову раба. А на его шею, запястья и щиколотки слуги предусмотрительно намотали широкие тряпки.

Вскоре пришёл кузнец. Клетку к тому времени уже поставили на место. Лишённого сознания кордийца перенесли в неё и там сковали по рукам и ногам короткими тяжёлыми кандалами, пропустив их сквозь решётки. На шее замкнули плотный железный обруч с длинной цепью. Теперь опасного пленника при желании можно было легко обездвижить или придушить.

– Порядок.

Ещё раз посмотрев на усмиренного рыжего, Бехмут сам запер клетку.

«Со зверями и разговор звериный. – Он снова сплюнул на пол и повесил ключ на пояс. – Моли всех богов, скотина, чтобы Тозаль не соврал на счёт твоего секрета. Иначе... Иначе мне придётся уговаривать владыку принять в подарок

редкую дичь для псовой охоты...»

Подумав так, Бехмут отошёл от клетки и наконец-то вспомнил о том, зачем вернулся сюда. Он отыскал взглядом слуг и приказал:

– Вы двое – остаётесь здесь и сразу начинаете тянуть «Восход солнца». Если в течение этой песни раб не придёт в себя – один тут же бежит ко мне и докладывает об этом. А ещё – вам будет особое задание: заняться его гривой. Вначале – руками разобрать весь ужас на его голове до последней волосинки! Я проверил – шерсть у него густая и сильная. Такую вполне можно распутать. Потом – хорошенько так расчесать и заплести всю эту крашеную солому в крепкие косы. А чтоб не дёргался – притяните цепью к решётке и закрепите там ошейник. Только очень аккуратно! Приду вечером – проверю результат. Но если раб по вашей милости задохнется или облысеет – прикажу выпороть обоих так, что не встанете, а потом самих вас продам на ближайшем рынке для покрытия убытков! И вот ещё что. Помните – это не человек, а дикий зверь. Подходите к нему только со стороны головы. Если попадёте в лапы, это будет лишь ваша вина. Зверь вас придушит и сожрёт. Я предупредил и буду чист от вашей крови. Всё. Приступайте. Остальные, – Бехмут строго глянул на столпившихся у входа слуг и стражей, – займитесь своими делами! И ни слова никому про то, что здесь было! Разойтись! У нас ещё много других рабов.

Вскоре началась долгая мучительная дорога через Великую пустыню Нузара в столицу султаната – блистательный Нуриш. Тесные клетки с редкими зверями и особо ценными рабами подняли на самых сильных верблюдов и надёжно закрепили там поперёк горбов. Товар попроще пошёл сам, связанный в одну бесконечно длинную вереницу.

Рис, как Бехмут назвал опасного красавца, по строжайшему приказу караванщика получал только немного воды и кусок лепёшки каждые несколько часов. Голод, жажда, жара и духота в плотно закрытой тканью клетке вскоре вытянули из бунтаря остатки сил. Теперь он просто лежал на грубом, качающемся из стороны в сторону полу, ни на что не обращал внимания, почти не двигался и часто впадал в тяжёлое болезненное забытие.

Через неделю пути по раскалённым пескам на очередном привале Бехмут распорядился, не открывая клетку, немного подкормить Риса, снова переплести косы и снять с него кандалы. Осмотр показал, что спешно намотанные тряпки уберегли ньеттийца от ожогов раскалённым на солнце железом, но стёрли под ним кожу на щиколотках и запястьях в кровь. Виновных в этом Бехмут приказал на день лишиться воды и выпороть. А Рису пришлось накладывать новые повязки, уже с лекарствами. Однако ошейник Бехмут приказал

оставить на рабе.

«Ничего страшного, – решил для себя караванщик. – Ещё несколько дней пути с цепью на шее зверя не убьют. А неприятности ни здесь, ни по приезде в Нуриш мне совершенно не нужны. Полудохлым он будет безопаснее. Привести мое прекрасное чудовище в порядок я вполне успею на месте».

Белокаменная столица Нузара встретила караван идущими через широкие площади хитросплетениями вымощенных джерзегским чёрным камнем улиц, оглушающим шумом множества огромных базаров и бесконечными пересудами. Живой товар в Нуриш Рахт приводил лишь четырежды в год. Всякий раз горожане ждали этого события со жгучим, как жёлтый джерзегский перец, интересом и нетерпением. Местные купцы чуть не в драку кидались, стараясь оттеснить друг друга и первыми попасть в караван-сарай на торги, чтобы урвать те немногие заморские диковинки, которые Рахт выделял для перепродажи.

Особенно много разговоров у жителей столицы в этот раз вызвали закрытые тканью клетки, которые везли на верблюдах. Но этот секретный груз Бехмут велел сразу же отправить в свой караван-сарай и приставил ко входу стражу. Все попытки подкупить подручных Рахта, чтобы хоть что-то узнать, были тщетны. Любопытным горожанам оставалось

лишь на все лады судачить о том, что самое интересное известнейший караванщик Нузарского султаната, как всегда, повезёт во дворец.

Рыжий пленник очнулся, открыл глаза и осмотрелся. Наконец-то он находился под крышей, а не на верблюде. Ещё несколько дней такой качки вверх-вниз головой, казалось, свели бы его с ума. Клетка стояла в какой-то небольшой комнате без мебели. Под самым потолком было единственное окошко, забранное частой решёткой. У противоположной стены обнаружилась ещё одна клетка с неподвижно лежащим человеком внутри. Не в силах даже пошевелиться после почти убившей его дороги через пустыню, тот, кого называли Рисом, устало опустил веки.

Раздались шаги. Потом стук засова и скрип двери. Ньетиец чуть приоткрыл глаза.

В комнату зашёл Бехмут и несколько стражников со слугами.

– Так, – распорядился караванщик. – Обоих достать. Клетки вычистить до блеска. А этих рабов особо тщательно помыть, побрить, расчесать. Очень внимательно осмотреть с макушки до пят на предмет любых свежих ран и повреждений. Если будет нужно – перевязать. Потом – одеть, заплести косы и рассадить обратно по клеткам. Ошейники сменить на

строгие домашние, но только после того как надёжно пристегнёте рабов к чану за руки. Туда и обратно вести на цепи.

Пленников вытащили из клеток и поволокли в купальни. Ньеттиец если и хотел воспользоваться моментом хоть какой-то свободы, чтобы попытаться бежать, то сейчас был слабее новорождённого ребёнка и мог лишь безжизненно виснуть на руках стражников.

Через час он снова оказался в клетке.

Когда охранники покинули комнату, уже немного пришедший в себя пленник первым делом взялся ощупывать заклепанный прямо на нём поверх свежей повязки ошейник. Тот оказался достаточно свободным, но безнадежно неснимаемым. Широкая полоска толстой кожи была усилена снаружи металлическими накладками, а идущую от неё длинную цепь замкнули в углу клетки. Разобравшись с этим, пленник медленно сел, чтобы приняться за еду и питьё.

На этот раз добрейший хозяин расщедрился. Слуги принесли большой кувшин воды. А вместо куска чёрствой лепёшки – кружечку какого-то густого, сводящего с ума одним своим ароматом варева. Ньеттиец осторожно обнял драгоценную для него горячую посудину подрагивающими ладонями, не рискнул поднимать и низко склонился, чтобы достать до еды ртом. С трудом сдерживая себя, сделал маленький глоток. Потом ещё один и ещё. Он так давно не ел нормальной человеческой пищи, что сейчас эта простая куриная похлёбка с толчёными овощами показалась ему блюдом, до-

стойным короля. С каждым крошечным глотком он чувствовал себя всё более и более живым. Жаль, что кружка оказалась такой маленькой...

Привели второго пленника. Бесформенные дорожные балахоны с них сняли ещё в купальне, а из одежды напялили только лёгкие цветные шаровары. Ньеттиец, когда увидел лицо того, кто оказался его соседом, чуть не подавился последним глотком супа.

«Только не это! Ах ты, коронованный мерзавец! Так вот, в чём был секрет того пирата... Это всё меняет... Что же делать...»

Пленник постарался ничем не выдать свои чувства и, не поднимая головы, сосредоточился на остатках похлёбки, выскребая их пальцами со дна.

Дождавшись, когда в коридоре за закрытой дверью стихнут шаги ушедших стражников, ньеттиец отодвинул совершенно чистую изнутри кружку, выпрямился, поджал под себя по-оссардски скрещенные ноги, неспеша убрал длинные тяжёлые косы за спину и, собрав для этого разговора все силы, тихо произнёс:

– Приветствую вас, князь! Какими судьбами? Вы-то чем не угодили его подлейшему величеству?

Сосед по несчастью – высокий широкоплечий юноша с крупными выразительными чертами лица – вздрогнул, оторвался от кружки и удивлённо взглянул на говорившего. Тут же покраснел, как спелый абрикос на солнце и, едва подни-

мая руки, брякнул кулаками по решётке

– Прекратите! Шарль – истинный король! Лучший в мире!

Начавший разговор пленник на это чуть слышно рассмеялся и продолжил на сколько хватило сил иронично:

– Да, да, да, мой юный друг! Я это заметил и оценил, как никто во всей Кордии! А вы, ваше сиятельство, – самый верный и преданный ему рыцарь. Так почему же вы тогда оказались здесь?!

Вот кого ставший рабом шестнадцатилетний князь Тарда Рэнсор Драммонд никак не ожидал здесь встретить, так это своего кровного врага, а по странному стечению обстоятельств – воспитателя и опекуна, повелителя южного княжества Ньетто, Хавьера Норрьего. Тот снова был для него самым ненавистным человеком во всём свете: исчадием глубин преисподней и, к огромному сожалению всё ещё живым, воплощением зла.

Узником палаццо Норрьего в одночасье потерявший всё Рэнсор оказался шесть лет тому назад.

Его, мало что понимающего мальчика, спешно доставили в это страшное логово кровавых убийц под усиленным конвоем королевских гвардейцев. Рэнсор тогда ещё не знал, что произошло. Как и почему случилось так, что его на глазах у

всей дворни схватили, вытащили из родного северного замка и, так ничего и не объяснив, через всю огромную Кордию привезли на южную окраину королевства в столицу этого самого Ньетто – Норрвальдо...

На протяжении долгой дороги Рэнсор, как и подобает потомку древнего рода, старался держать лицо перед похитителями, не плакал и всё прислушивался – когда же их нагонят?

Он закрывал глаза и многократно представлял себе, как это будет. Как его отец, князь Тирдэг Драммонд – высокий могучий повелитель сурового Гарда – одним взмахом огромного дедовского меча расчищает себе дорогу, раскидывая в стороны ненавистных гвардейцев короля, потом отрывает и отбрасывает прочь дверцу проклятой кареты, улыбаясь, протягивает ему крепкие руки, поднимает в воздух, сажает впереди себя на мощного белогривого коня, прижимает к широкой, покрытой латами груди и говорит то, что может сказать только он один:

«Рэй, сын! Я так спешил, чтобы спасти тебя!»

Но увы – ничего из этого так и не случилось. День пролетал за днём – а никем не остановленная карета неслась всё дальше и дальше на этот проклятый дикий юг. Погони не было. И вот этого Рэнсор никак не мог понять.

«Где же отец? Неужели не знает, что меня похитили? В замке же остались люди. Они должны были сообщить своему князю... Почему он не приходит, чтобы спасти меня? Неужели отца ранили где-то по дороге? Нет! Не может это-

го быть! Он самый сильный и умелый воин на всём севере! Отца, наверное, обманули. Или заманили в какую-то подлую ловушку. Но в любом случае он всех победит и обязательно придёт за мной!»

В палаццо Норрьего кортеж прибыл глубокой ночью, через три недели пути. Спящего Рэнсора слуги занесли внутрь и разместили в одной из высоких башен. Главного кровожадного чудовища – князя Ньетто – в это время на месте не было. В своём роскошном замке он появился только месяц спустя.

Драммонд сердито отвернулся к стене и лёг, а чуть живой от слабости Хавьер опёрся спиной о решётку, отдышался и продолжил дразнить молодого князя Тарда, чтобы хоть как-то разговорить его и узнать подробности произошедшего:

– Со мной всё понятно. Вашему злобному корольку очень сильно не понравились мои слова о том, что я ему не раб и никогда ничьим рабом не буду. Чтобы доказать обратное, он и продал меня какому-то пирату за щепоть перца. Но вы, Рэнсор?! Вот уж никак не ожидал обнаружить ваше сиятельство на цепи в соседней клетке!

– Это какая-то ошибка... И всё только из-за вас! – по-прежнему глядя в стену, сердито отозвался тот с явной неохотой. – Я сказал его величеству, что продавать в рабство

дворянина и князя недопустимо. Даже такого, как вы. Вас нужно было судить по закону и лишь потом публично казнить...

Смеялся Хавьер после этих слов, пока хрипло не закашлялся. Потратив остатки сил, он еле-еле дотянулся до воды, попил, отдышался и вытер ладонями слёзы.

– Ох, Рэнсор... Вы нисколько не меняетесь! И когда вы только научитесь думать головой, понимать людей и держать язык за зубами? Я же столько раз говорил вам об этом!

Юный князь оглянулся, опять вспыхнул щеками, сел и снова ткнул кулаками решётку, крикнув из последних сил:

– Прекратите издеваться! Сами-то наверняка жалеете, что наговорили королю лишнего и оказались тут!

– Я? – Хавьер улыбнулся, затем изящным движением слабой руки смахнул с плеча рыжую косу и поправил ошейник так, будто это была его золотая княжеская цепь с бесценными изумрудами. – Нисколько. Я, по крайней мере, в данный момент – не в застенках Триволи и не в руках вашего дорогого коронованного палача Мадино. И всё ещё не на плахе. А что будет дальше – увидим. Поэтому я совершенно ни о чём не жалею. Но что сделано, то сделано. Сейчас успокойтесь, пожалуйста, доешьте, если у вас там ещё что-то осталось, попейте побольше воды и ложитесь отдыхать, пока есть такая возможность. Неизвестно, что ждёт нас впереди.

Следующую неделю их из клеток не выпускали. Начали часто и сытно кормить, постепенно увеличивая порции. Работоторговцы почему-то не жалели лучшей нежной баранины, свежего хлеба и овощей, душистых приправ, а также каких-то травяных настоев. Каждый день, притянув цепью вплотную к решётке и закрепив там ошейник, обтирали тела мокрыми тряпками, меняли повязки, ухаживали за кожей и волосами, но больше ничем не беспокоили.

Норрьега, как только немного окреп и смог двигаться, сразу же занялся тренировками. Глядя на то, как его бывший опекун целыми днями отжимается, лежа подтягивается на прутьях клетки, ходит взад-вперёд гуськом и отрабатывает удары до изнеможения, Рэнсор постепенно вышел из безразличного оцепенения последних недель и тоже взялся за привычные с детства упражнения.

Вначале ему совсем не хотелось разговаривать со своим злейшим врагом. Но день шёл за днём, и, со временем, невольные соседи всё же начали обмениваться короткими, ничего не значащими фразами на отвлечённые темы.

Ставшая их тюрьмой комната постепенно погружалась в темноту. Рэнсор вытянулся на грубом полу клетки. Он уже начал было мысленно готовиться к очередной бессонной ночи, как вдруг из сумерек раздался заданный самым лёгким и непринуждённым тоном вопрос:

– А не желаете ли почитать стихи? Знаете, закат солнца весьма способствует лирическому настроению.

– Стихи?

Совсем не ожидавший такого странного предложения Рэнсор приподнялся на локте и удивлённо посмотрел на Норрьего через две решётки. Тот, видимо устав после нескончаемых упражнений, лежал на спине и, глядя куда-то вверх, перебирал пальцами звенья цепи от ошейника, в очередной раз пробуя их на прочность.

– Здесь?.. Сейчас?

– Почему бы и нет? – Норрьего, всё так же лёжа, пожал плечами и повернул к собеседнику голову. – Хотите, я вам сам прочитаю? Что бы вам хотелось сейчас услышать? Что-то из древней классики на мёртвом языке или нетленные творения пиитов прошлого века? А может быть, желаете что-то современное или народное?

Рэнсор невольно улыбнулся.

– Что-нибудь на ваш вкус, князь... Только, пожалуйста,

не тот ньеттский ужас, что пел Тэкирос!

В палаццо Норрьега всё оказалось как-то неправильно. Не так, как Рэнсор ожидал. Вокруг замка почему-то не было рва, наполненного кровью, у ворот не торчали на пиках головы замученных здесь героев, в небе над башнями не кружили стаи крикливого воронья...

А к маленькому Драммонду относились почему-то скорее как к гостю, чем к пленнику. Рэнсора даже не приковали ржавой цепью в мрачном подземелье или хотя бы не заточили на самом верху какой-нибудь страшной башни... А чего ещё можно было ждать от похитившего его кровного врага – человека, который и человеком-то был только по внешнему виду, а на самом деле, наверняка, смеялся лишь тогда, когда убивал и мучил невинных?

Рэнсор очень хорошо знал историю Тарда, а особенно имена тех, кто некогда помог королям Кордии поработить его гордую Родину, вырезав при этом чуть не половину населения.

Норрьега!

В их проклятом роду на свет появляются только палачи! Они уже много веков служат трону Кестеров как верные псы и готовы перегрызть горло каждому, кто захочет вернуть свободу... Но этот потомок врага оказался очень хитрым. Он не

появился и не напал сразу же, а затаился и постарался усыпить бдительность своего противника...

Рэнсора поселили в башне. Но не в какой-то страшной развалине, а в одной из центральных и самых красивых в замке. Выделили отдельную просторную комнату с чудесными витражными окнами. А ещё там был наполненный самыми интересными не только печатными, но и рукописными книгами шкаф, такой огромный, что на его верхние полки вела приставная лестница. Приходили личные слуги. Комната не запиралась. Рэнсор мог, как оказалось, совершенно свободно передвигаться почти по всему замку, пользоваться внушительной библиотекой и даже гулять в удивляющем разнообразием регулярном парке...

Но он ни секунды не сомневался, что вся эта свобода – только ложь и мерзкая видимость. Если сделать хоть одно подозрительное движение, то его, как самого настоящего пленника, тут же схватят и в лучшем случае где-нибудь надёжно и надолго запрут.

Рэнсор постоянно чувствовал на себе чужие взгляды. Стоило ему только выйти за порог комнаты, как тут же рядом возникало несколько слуг, будто бы занимающихся какими-то неотложными делами.

С подручными чудовища Рэнсор не разговаривал. Всё равно у них на любой вопрос был лишь один ответ: «Вот приедет его сиятельство князь Норрьего – сам вам всё и объяснит».

А хуже всех здешних тюремщиков был старый управляющий замком Лэло Тэкирос. Его Рэнсор откровенно побаивался. Если остальные южане были просто непонятны, а потому отвратительны, то этот самый Лэло походил на безжалостного пирата-головореза из книг. Высокий, мрачный, мускулистый, с большой золотой серьгой в отрубленном на четверть ухе и широкими седыми прядями в чёрных, собранных сложным узлом на макушке волосах, он как раз соответствовал представлениям Рэнсора о прислужнике ненавидящего весь белый свет кровавого убийцы.

Когда наконец-то прибыл хозяин замка, Лэло изволил самолично подняться в башню и надменно сообщил: «Его сиятельство князь Норрьего намерен посетить вас сегодня вечером. Будьте здесь».

Весь оставшийся день Рэнсор не выходил из комнаты. Он очень сильно ожидал предстоящий визит и настолько же сильно боялся его. Узнику палатцо безумно не терпелось получить ответы на все вопросы и столь же безумно страшно было увидеть похитившего его хозяина замка и услышать свой приговор.

Наконец, дверь распахнулась, и в комнату стремительно вошёл худощавый большеносый человек с плотно замотанной чем-то чёрным головой. Он по-хозяйски расположился в кресле и, скользнув безразличным взглядом по комнате, принялся рассматривать что-то на высоком потолке.

Стоявший у витражного окна Рэнсор встретил кровного

врага гордо вскинув голову и сжав кулаки до сильной боли в пальцах. Он готов на всё! Пусть будут самые страшные пытки и даже казнь! Он – Драммонд! Он с честью пройдёт через всё это!..

– Итак, князь... – усталым голосом начал хозяин Ньетто, по-прежнему смотря куда-то вверх.

– Князь? – Рэнсор, враз растерявший всю решимость, судорожно вдохнул, сделал неуверенный шаг назад и упёрся спиной в стену. – Как это – «князь»? Что с моим отцом?!

Норрьега медленно опустил отчего-то не столько злой, сколько равнодушный взгляд, заложил ногу за ногу и всё тем же усталым холодным голосом продолжил:

– Дышите ровнее, ваше сиятельство. Да, вы теперь – полноправный князь Тарда. Вернее сказать, станете таковым, когда вам исполнится шестнадцать. Не раньше. А до этого времени, то есть ближайшие шесть лет, будете неотлучно жить здесь. Так решил наш король, его величество Алегорд Кестер, поскольку взрослых родственников у вас теперь больше нет. Вассалы в счёт не идут. Я назначен вашим опекуном и воспитателем, как равный по титулу. Это, не скрою, – весьма прискорбное и обременительное для меня обстоятельство, но приказы его величества обсуждению не подлежат. Что же касается вашего отца... Он погиб. Это всё, что вам на данный момент нужно знать. Мой дворец к вашим услугам. Все попытки побега и любое непослушание будут пресечены самым решительным образом. А впрочем,

бежать вам всё равно некуда и не к кому. Ваши земли, замок и все ваши люди взяты под моё управление. Для этого в Тард вошёл значительный отряд ньеттийцев. Обращаться ко мне вы можете по титулу или же – «патрон». Жду вас утром к завтраку ровно в девять часов, Рэнсор. Не опаздывайте. Покойной ночи.

Небрежным движением Норрьега поправил кружева на запястьях, встал и вышел из комнаты. Вездесущий Лэло, злобно зыркнув на прощание, плотно закрыл за своим хозяином дверь.

Рэнсор остался один. Совсем один на всём белом свете. Один среди обломков рухнувшего мира.

«Погиб... Родственников больше нет... Будете жить здесь... Неотлучно... Бежать некуда... Замок взят...»

Десятилетний князь как стоял у стены, так и сполз вдоль неё на пол, сжимаясь в маленький, почти незаметный комок. Руки судорожно обхватили дрожащие колени. По щекам потеклись беззвучные горькие слёзы.

Он никогда больше не увидит отца. Не возьмёт его за руку. Не услышит, как тот произносит такое тёплое и домашнее, придуманное им для своего сына прозвище – Рэй.

«Мальчик мой! Мой Рэй, мой Лучик солнца! Ты всё, что у меня осталось...»

– Рэй... Рэй... Рэй... – несколько раз прошептал своё секретное имя Рэнсор и вдруг очень чётко понял, что никто на всём белом свете никогда его так больше не назовёт.

1.3

Бехмут закрыл увесистую расчётную книгу и внимательно поглядел на слугу, который пришёл к нему с докладом о недельном наблюдении за новыми рабами через тайное окошко в потолке. Вот сейчас всё и решится: станет ясно, что же делать с рыжим зверем дальше.

– Рассказывай, как они? – приказал Бехмут.

– Ведут себя спокойно, господин мой, – с поклоном отозвался слуга. – Разговаривают между собой на кордийском о всяких пустяках. Едят, пьют воду и дающие силы настои хорошо. Страже и слугам не сопротивляются. Не нападают. Повязки не срывают, ухаживать за волосами не мешают. Рис, когда думает, что его никто не видит, всё время упражняется, насколько ему это позволяет клетка. Даже смотреть на него страшно. Все кажется, что он вот-вот порвёт цепь, разогнёт прутья да наружу вырвется. Кем, глядя на него, тоже начал заниматься. И, я так думаю, что сил у мальчишки не меньше. Эти двое – очень опасные воины, хоть и притворяются обычными красивыми рабами. Но Рис – очень непрост. Он всё время ко всему чутко прислушивается, как дорогой сторожевой пёс. Стоило мне однажды тихонько кашлянуть, как он тут же замолчал и потом не говорил целый день, пока не удостоверился, что вокруг никого нет. Я с тех пор даже дышать старался через раз, когда наблюдал за ними. А вста-

вал с пола, чтобы отлучиться, только когда приходила стража со слугами. Мальчишка совсем не такой. Он ничего не замечает вокруг и думает лишь о себе. Когда эти рабы увидели друг друга впервые, Рис был очень удивлён и даже из последних сил смеялся. А Кем кидался на решётку с кулаками. Сейчас малой немного успокоился, но всё равно дичится. Мне кажется, господин мой, они были хорошо знакомы раньше и совсем не чужие друг другу люди. Похоже на то, будто Рис о Кеме заботится, пытается расшевелить его и поддержать. Но как только заходят стражи или слуги, крашенный делает вид, что знать этого мальчишку не знает.

– Интересно... – тихо протянул Бехмут.

Он взмахом руки отослал соглядатая и глубоко задумался: «Похоже Тозаль и тут не соврал. Проданный им секрет действительно имеет силу и стоит всех своих денег.

И даже больше. Белогривый щенок не просто красавчик. Нет. Он свяжет моего рыжего зверя лучше любой цепи.

Говоришь, Рис похож на кири? Может быть, может быть... А у этих непобедимых воинов Великой пустыни, кроме дурацкой клятвы, есть только одно уязвимое место – их семья. Дети. Ради них кири пойдут на что угодно... Мальчишка совсем не похож на его сына. Но явно – не посторонний. Тозалев документ не врал. Этих рабов не зря привезли и продали вместе...

Ну что же, мой прекрасный жуткий зверь! Тебе повезло. Дичью на охоте пока что не станешь...

Набирай свою силу. Набирай! Я тебе в этом даже помогу. Буду ещё лучше кормить и пореже присылать слуг... Набирай свою силу хорошенько. Всё равно ты у меня теперь будешь послушнее старого верблюда!»

Ещё через неделю караванщик пришёл к новым рабам лично. Рослый для своего возраста, стройный плечистый парень с голубыми глазами, которого Бехмут назвал Кемом, взмахнув светлыми косами, резко сел в клетке и поднял вопросительный взгляд. Рыжий Рис продолжил неподвижно лежать на спине, безразлично смотря в потолок. Караванщик усмехнулся в густые седеющие усы и огладил бороду – его было не обмануть показным равнодушием – а затем хлопнул в ладони и громко объявил на кордийском языке:

– Итак! Сегодня – великий день. Этим вечером вас обоих подарят самому солнцеликому султану Нузара! Это огромная честь. Лучшее, что может случиться с рабом в нашей стране. Но вы ещё должны это заслужить. Сейчас я по очереди отправлю вас на подготовку к этому важнейшему в вашей жизни событию. Вначале тебя, Рис, а потом тебя – Кем.

Не дождавшись от Риса даже взгляда, Бехмут продолжил, обращаясь больше к щенку:

– Хочу сразу предупредить. Не нужно даже думать о том, чтобы пытаться сопротивляться или бежать. Во-первых, всё

это совершенно бесполезно. У меня здесь более чем достаточно отлично обученной и вооружённой до зубов стражи. И внутри здания, и снаружи. А во-вторых – это просто глупо. После попытки побега и хорошего такого знакомства с дубинками моих молодцов, вы однозначно навсегда попроситесь со своей красотой. А значит, будете больше недостойны стать подарком для владыки, а потому – не нужными мне. И тогда я прикажу вытащить вас на главную площадь и объявлю пойманными беглыми рабами.

Эта новость тоже не произвела на пленных кордийцев никакого воздействия. Бехмут понял, что они просто не знают, какво бывает тем, кто дерзает в Нурише на побег, и решил объяснить подробнее:

– Здесь таких нарушителей порядка заковывают в колодки у позорного столба для развлечения горожан. Они будут плевать на вас и забрасывать помоями. А за малейшее сопротивление, или просто так – по настроению – нещадно колотить чем ни попадя, выбивать зубы и ломать кости – пока не помрёте. Так что, если хотите прожить дольше пары дней, я бы не советовал вам попадать туда.

Мальчишка изменился в лице, а Рис и бровью не повёл. Но Бехмут в его равнодушие не верил. Зверь попал в западню, и осталось только вытянуть его из норы крепкой петлёй. Сейчас нужно сказать самое главное. Караванщик внутренне подобрался и продолжил спокойным веским тоном:

– Как вами распорядится султан – никто не знает. Мо-

жет убить как-нибудь интересно и заковыристо, чтобы позабавиться. Может передарить кому-нибудь и забыть про ваше существование. А может поручить какое-то дело и через несколько лет отпустить домой с богатыми дарами. Такое тоже бывало. В любом случае – сбежать отсюда и сделать что-то по-своему вам уже никогда не удастся. А кара даже за попытку оказать сопротивление будет очень суровой.

Бехмут с особой силой подчеркнул последние слова и с удовольствием заметил, как всё сильнее нервничает Кем. Рис тоже не мог этого не видеть. И значит будет стараться обезопасить своего мальчишку. Петля всё сильнее сжимается на шее зверя. Скоро можно будет тянуть. Бехмут заговорил резче:

– Причём сейчас будете отвечать друг за друга. Пока одного будут украшать, второй будет сидеть на цепи. Если один из вас позволит себе сегодня сотворить хоть какую-нибудь крошечную глупость, хоть в чём-то самом малом выказать мне своё неповиновение – я жестоко накажу и отправлю мучительно умирать в колодках на потеху толпе обоих. За вами в купальне и по пути туда будут издали наблюдать мои скороходы. Только они увидят неповиновение одного из вас, как тут же побегут и криком дадут знать тем, кто стережёт второго. И никакая сила не поможет их опередить. Любое непослушание одного – это незамедлительная смерть для второго. Понятно? Хорошо понятно?

Всё! Петля затянута! По новому хлопку Бехмута в комна-

ту вбежали шестеро стражников.

– Рис. Ты первый. А ты, Кем, – жди своей очереди и моли всех богов, чтобы твой сосед был благоразумен и послушен. Иначе ты задохнёшься. Вот так.

С этими словами караванщик сделал знак стражнику, тот одним сильным движением притянул мальчишку цепью вплотную к торцевой решётке и закрепил его ошейник на железных прутьях, натягивая больше обычного. Почти лишённый воздуха раб захрипел, судорожно хватаясь пальцами за всё, до чего мог достать.

А вот теперь можно тянуть зверя из норы. Никуда он уже не денется! Бехмут широко улыбнулся, вынул пистолет, взвёл курок, приблизился к еле дышащему Кему на расстояние вытянутой руки, направив на него оружие почти в упор, затем дал знак открыть клетку ньеттийца и скомандовал:

– Эй, Рис, пшёл на выход! Не заставляй своего дружка ждать! Или мне действительно придушить его сейчас? Так и сделаю, если ты немедленно не покоришься! Или лучше застрелить?

Хавьер скрипнул зубами и мысленно выругался:

«Проклятие! Значит, мне не показалось. За нами действительно всё время следили и теперь знают, чем пригрозить. Знают, что я пойду на всё, ради безопасности Рэя... Как глу-

по... Но пролитого не соберёшь. Теперь у меня есть лишь одна дорога».

Последнее, что он хотел бы сейчас сделать – так это без малейшего сопротивления позволить подарить себя какому-то там султану... За две прошедшие недели Хавьер вновь обрёл утраченную в заключении силу. Если бы речь шла только о его судьбе, то непобедимый в любом бою повелитель Ньетто непременно рискнул бы всем и попытался бежать. Его держала здесь только цепь и клетка. Как только бы этого не стало, нечеловеческой силы Хавьера вполне хватило бы на то, чтобы завладеть оружием, перебить тут всю стражу, взять Бехмута в заложники и прорваться на волю... Пистолет хорош только для угрозы. В бою его один единственный выстрел слишком ненадёжен. Сейчас, стоило только Хавьеру взять в руки сабли, его уже никто не остановил бы...

Но что об этом говорить? Обречь тем самым Рэнсора на неминуемую смерть?.. Нет. Этого никак нельзя было допустить.

Когда дверцу открыли, Хавьер, не обращая внимания на направленное в его сторону оружие, быстро, но спокойно выбрался из клетки и замер, показывая покорность. Позволил страже себя ухватить – натянулась идущая от ошейника цепь, а руки оказались высоко заломленными за спиной. Затем, не сопротивляясь, пошёл, куда его повели. Лишь на прощание он быстро обернулся и обнадеживающе улыбнулся чуть дышащему Рэю.

– Всё будет хорошо! – успел сказать Хавьер на кордийском прежде, чем шедший впереди стражник грубо дёрнул цепь и заставил его опустить голову.

– Хорошо, что напомнил, – эхом отозвался Бехмут. – Приказываю молчать. Забирайте его побыстрее. У нас ещё очень много работы впереди.

С торжествующей улыбкой на лице караванщик убрал пистолет за пояс, приказал отцепить Кема от решётки, затем вышел из комнаты вслед за стражей, уволокшей совершенно покорно ведомого на цепи, согнутого пополам Риса.

«Вот так! Вот так, зверюга! Почуял сильную руку на холке? Почуял! И тут же поджал хвост! Да! Ай да секрет! Отныне ты, зверюга, проглотишь весь свой норов, будешь как шёлковый и всё сделаешь так, как я захочу!»

Рэй упал на дощатый пол клетки и с трудом отдышался. Он готов был заплакать от жгучей злости на себя и полного бессилия что-то сделать. Рэй прекрасно понимал, что Норрьега поддался сейчас и не стал сопротивляться страже только потому, что хотел обезопасить его. И что сам он скоро

сделает то же самое. Для своего... Кого? Врага? Опекуна? Друга?

Кем был для него владыка Ньетто? Почему Рэй вступился тогда за него перед своим королём? И почему сделал бы это снова, даже зная, чем всё это для него самого закончится?

Обречённо склонив голову на подтянутые к груди как в детстве колени, Рэй сидел и вспоминал, каким Норрьего был раньше, когда находился на самой вершине богатства, славы и власти. Как он сам, вернувшись князем в Тард, в одночасье снова возненавидел своего бывшего патрона, узнав правду (а правду ли?) о гибели отца...

Каким Рэй потом увидел владыку Ньетто в страшных застенках Триволи после камеры пыток. Как узнал, что его любимый новый король Шарль Мадино вместо праведного суда и казни решил продать Норрьего в рабство. Как, ни о чём не думая, кинулся к своему венценосному старшему другу, чтобы сказать, что так делать недопустимо, даже с мерзавцем и убийцей...

О том, что случилось после этого, вспоминать было особенно больно. Шарль как-то очень странно посмотрел на него. И тут же приказал страже схватить «бывшего князя Тарда», как государственного преступника.

– Вот и вся твоя хваленая верность! И как я мог считать тебя другом?! Ты просто предатель! И на самом деле всегда был с ним заодно! – с искренней горечью в голосе произнёс Шарль и отвернулся от Рэя. – Пишите указ. За вопиющее

непослушание воле своего короля и преступное сочувствие к злейшему врагу государства, Рэнсор Драммонд без суда и следствия лишается всех прав и титула! Княжество Тард навсегда отходит в казну, а самого преступника – незамедлительно продать в рабство следом за его разлюбезным Норрьегой.

Что было дальше, Рэй помнил плохо. Он совсем ничего не успел сказать своему королю. Ничего не успел объяснить... Его наверное оглушили, а потом опоили чем-то. В памяти остались только смутные обрывки воспоминаний о боли в связанном теле, тряске в душной повозке и чьей-то грязной ругани. Окончательно в себя он пришёл уже в трюме какого-то корабля. Князь не мог не попытаться бежать. В итоге очутился в этой самой клетке...

Голод, боль, унижение... Но гораздо хуже было разрывающее душу чувство несправедливости. Почему Шарль так легко усомнился в его верности? Почему не выслушал? Не дал оправдаться? Почему счёл предателем и навсегда отвернулся? Почему?!.. Неужели он – Рэнсор Драммонд, князь Тарда – настолько никому ненужная и малозначимая фигура, что его можно вот так просто смахнуть с доски?.. Ответов на эти бесконечные, сводящие с ума вопросы не было.

Пока оставались силы, Рэй бился в клетке, как пойманная в силки птица. Потом просто лежал, слушая как шумят за бортом волны, и мечтал умереть. Затем была выматывающая душу и тело, мучительная, ужасно долгая дорога через пу-

СТЫНЮ.

А потом Рэй увидел Норрьего в клетке напротив.

«Какими судьбами?.. Вы-то чем не угодили?..»

Князь Ньетто был таким же, как всегда. Будто не сидел чуть живой и полуголый на цепи за решёткой в непонятных рабских тряпках, с непривычно непокрытой рыжей головой, а отдавал приказы слугам в роскошном кабинете палатцо Норрьего. Такой же самоуверенный и невыносимый, как и раньше... Но Рэю, когда он немного отошёл от первой вспышки гнева, почему-то стало спокойнее. Откуда-то взялось чувство, что всё теперь будет хорошо. Бесконечную тоску, тревогу и даже не так давно появившиеся уныние и безразличие ко всему, сменили в его измученной душе надежда и какая-то необъяснимая, безумная уверенность в том, что всё устроится.

Норрьего, конечно, враг, но... По сравнению с теми, кто их тут окружает... Он хотя бы не смотрит на него, как на забавное животное... Вообще почему-то смотрит так, словно ни в чём не винит... К тому же князь Ньетто, как это всегда бывало, что-нибудь да обязательно придумает. Он наверняка сумеет сбежать. И поможет выбраться отсюда, пусть даже не как воспитаннику, но хотя бы как товарищу по несчастью. И они вернутся домой, где снова смогут стать врагами.

Глядя на то, как держится Норрьего, Рэй тоже понемногу стал успокаиваться. Начал тренироваться, потом разговаривать ни о чём, потом слушать и читать стихи... И вот чем

всё закончилось!

Подняв голову, Рэй снова что есть силы ударил кулаками по решётке.

«Проклятый торгаш! Да что же это такое! О Творец мира! Почему ты отнимаешь у нас последнюю надежду и даже малейшую возможность хоть что-то сделать?!»

Бехмут не зря торопил стражу. Подготовка подарков для султана действительно заняла очень много времени.

Приведшие Риса в купальню воины вначале надежно соединили цепь от его ошейника с длинной цепью, идущей от стены, и только потом передали раба в руки банщиков. Те споро взялись за дело, но беспрестанно косились на направленные в их сторону копья и пистолеты. После того, как раба чуть не до скрипа вымыли, его подхватили четверо стражей и перенесли на рядом стоящую специальную лежанку. Крепко-накрепко привязали к ней и лишь после этого сняли ошейник с цепью. Началась дальнейшая обработка. Вначале слуги старательно удалили все волосы с тела пленника. Затем пошли в ход всевозможные масла и притирания, потом рисунки специальной краской при помощи тонких кисточек...

Хавьер ещё в самом начале всего этого безобразия просто закрыл глаза и перестал думать о происходящем. Всё это было не важно. Значение имела только судьба Рэнсора. Поэтому, ощутив, что с него сняли цепь, Хавьер полностью погрузился в себя и принялся повторять в уме устав кордийской армии, чтобы прогнать мысли о том, с какой лёгкостью он мог бы в этот момент сбежать отсюда.

Бехмут неотлучно стоял рядом и постоянно давал уточняющие указания трудившимся над Рисом слугам:

– Побольше масла! Разомни ему все мышцы, а потом ещё раз хорошенько так смажь всю кожу! И чтобы ни шелушинки на теле не осталось!

– Не жалея жемчужного порошка! Его кожа должна сиять! Особенно пройдишь по шрамам. Для него они – тоже украшение...

– Продолжи рисунок выше на живот. Тоньше линии! Лучше подчеркни мускулы! И на плечах не забудь...

– Поменьше сурьмы на глаза! Я сказал: поменьше, болван! Вот так... И кармин тут не нужен. Он воин, а не кукла...

– Добавь на веки чуть-чуть золотой пыли с малахитом. Всё! Хватит. Отлично!..

В конце концов разукрашенный с ног до головы Рис оказался неподвижно прикованным с высоко поднятыми над головой руками к большому деревянному щиту, крытому дорогим изумрудным шёлком. Начищенные до зеркального блеска широкие стальные кольца плотно обхватили запястья, локти, плечи, бёдра, икры и щиколотки кордийского зверя.

Дополняли подарок султану две скрещённые острейшие сабли от лучших мастеров Гардорры, надёжно закрепленные над рабом вне его досягаемости. Бехмут ещё раз придирчиво осмотрел получившуюся картину и дал слугам команду отойти в сторону.

Затем он сам наклонился над пленником, поднял всю его переливающуюся тяжёлой огненной волной гриву наверх и надёжно притянул голову раба к щиту, защелкнув золотой обруч поперёк лба.

– Великолепно, – прошептал Бехмут, убрал от своего шедевра руки, затем оглянулся на стражников. – Поставьте щит вертикально!

Когда это было сделано, караванщик рукой подозвал стоявшего до сих пор в отдалении слугу и распорядился:

– Теперь он твой. Значит так. Причёска должна быть свободная. Чтобы была видна длина и красота волос, но чтобы сочеталась с обручем и ни в коем случае не закрывала лицо!

После того, как и с этим было покончено, стражники осторожно опустили щит в специально изготовленный длинный сундук чёрного дерева. Пристально следивший за всем Бехмут подошёл ближе и заглянул внутрь.

– Пока что молодец, Рис. Посмотри на меня! Вот так... Хороший раб. Видишь, я знаю, как укрощать зверей. Ты далеко не первый, кто пытался разинуть на меня пасть. Так что слушай внимательно, если не хочешь вместе со своим щенком оказаться затравленным волкодавами или гепардами. Значит так. Будешь и дальше покорно выполнять все приказы – проживёшь ещё долго. И может быть, очень даже неплохо проживёшь. Понял? Что так равнодушно смотришь? Хочешь пить, а? Знаю, что хочешь. Так сильно хочешь, что горло огнём горит и все внутренности судорогами сводит. Это купальня и гуйланское масло на твоё тело так действуют. Выпаривают воду и вызывают жар, чтобы мышцы и кожа красивее смотрелись. Отличное снадобье! Всегда хорошо работает! Вон какой у тебя прекрасный румянец проступил! Никакой кармин так не покрасит... А жажда будет только расти и расти. И знаешь, что я тебе скажу? Мне плевать на это. И всем вокруг тоже. Забудь о своих чувствах и желаниях раз и навсегда! Ты – никто! Даже не человек! Красивая безделушка у ног султана, и ничего больше! Ясно? То-то же. Теперь важно лишь то, чего пожелает твой новый хозяин. Будет на то его благословенная воля, тебя станут натирать таким образом каждый день. Если оставит у себя... Великую честь

быть украшением трона ещё надо заслужить. Это для меня ты имел цену, как будущий подарок султану. А для владыки твоя жизнь стоит не больше песчинки. Захочет – зарежет на месте и тут же забудет об этом. Но если ты его сумеешь чем-то заинтересовать, вот тогда может быть ещё поживёшь. А что касается воды... Потерпишь. Ничего с тобой не случится. Ещё каких-то полдня! Или больше. От этого никто ещё не умирал. Отведаешь угощений у владыки. Если, конечно, будешь покорным и сможешь ему понравиться. Говорю тебе сразу: позволишь себе хоть один дерзкий взгляд на султана и вместо желанной воды получишь полсотни плетей. Или ещё чего похуже. Хочешь вместе со своим мальчишкой остаться прикованным так на неделю? Или только на день, но под палящим солнцем? А испытать при этом на себе укусы дуфских ос? Посадят тебе такую крошку на язык, и он тут же превратится в горящий жуткой болью неподвижный тугой кляп. Через день-два опухоль спадёт, и ты хоть как-то сможешь есть и пить. Но речь вернётся ещё не скоро. Очень хорошее средство воспитания рабов. И заметь, оно нисколько не сказывается на красоте лица и не мешает сидеть у ног султана! Думаешь, тебе после кордийской тюрьмы никакие пытки не страшны? Ошибаешься. Хочешь узнать, на что способны палачи владыки? Нет? Тогда делай, что говорят. Но ты ведь меня не подведёшь, верно? Ты будешь самым послушным из рабов, да? Будешь. Обязательно будешь. Иначе вы с Кемом пожалеете, что родились на свет! А мальчик-то, на-

верное, о палачах только в книжках читал... Верно? Ай, как же ему будет жутко попасть в их руки! А умельцы владыки начнут показывать своё мастерство именно с него. А ты будешь смотреть, смотреть и смотреть на это...

Бехмут довольно улыбнулся и, нагнувшись, добавил к своему подарку для султана последние штрихи: несколько драгоценностей в рыжую гриву и большую золотую серьгу с крупным изумрудом, которую он надел сверху на нижнюю губу закаменевшего лицом раба.

– То, что внешность в тебе – не главное, вовсе не означает, что ты не должен быть ещё более красивым, мой дорогой огнегривый зеленоглазый зверь, – почти ласково заметил Бехмут. – А теперь – молчи, молись тем, в кого веришь или не веришь, чтобы твой щенок всё не испортил, и думай, чем будешь удивлять владыку. Я сделал всё, чтобы он заинтересовался тобой и принял в дар, но что будет после этого, зависит только от тебя. Одного послушания будет мало. Думай хорошенько, чем ещё позабавишь великого господина, если хочешь остаться в живых.

Крышка опустилась, оставляя сгорающего от жажды Хавьера неподвижно лежать в пахнувшей какими-то благовониями темноте. Многочисленные маленькие отверстия, составлявшие резной рисунок на боковых стенках сундука, про-

пускали достаточно воздуха, но не свет. Вскоре он услышал многочисленные шаги, бряцание оружия и звон цепи.

«Держись, Рэйнино. Ты справишься. А когда всё это закончится, мы поплывём домой...»

– Завяжите мальчишке глаза после купальни. И дайте что-нибудь зажать в зубах, а то все искрошит. Давай, Кем, пошевеливайся и делай, что говорят. Твой дружок уже постарался на славу и готов стать подарком. Не подведи его. Не дёргайся и не мешай слугам. Они просто сделают тебя красивым. Рис находится здесь и всё слышит. И очень не хочет оказаться на площади в колодках...

Как Рэю показалось, вечность спустя, он тоже очутился в сундуке. Лицо князя Тарда пылало от стыда, унижения и возмущения, однако, он всё же смог покорно перенести то, что с ним тут творили. Рэй как мог крепко сжимал зубы и повторял раз за разом:

«Ничего... Всё это ведь совсем ничего не значит. Норрье-го смогу, и я смогу. А после мы уплывём отсюда...»

Он закрыл глаза и постарался успокоиться. Наконец смог взять себя в руки, выровнять дыхание и замедлить бешено стучащее сердце.

«Я смогу... Я должен всё вынести и вернуться... Должен вернуться...»

Рэй не заметил, как уснул. Ему снился корабль, который нес их с Норрьего обратно в Кордию.

Лёгкие волны покачивают, убаюкивают ещё больше. Откуда-то льётся нежная музыка. Он и Норрьего стоят на палубе. Музыка становится громче. Вот корабль ударяется о пристань и замирает.

На берегу их уже встречают. Беззаветно любимый Рэем король Шарль Мадино широко улыбается и стоит, раскрыв объятия. Он что-то говорит, но смысл его слов почему-то ускользает.

Голос Шарля доносился откуда-то издалека, но вот он стал громче и отчётливее. Наконец-то Рэй различил отдельные слова...

–... Безмерно счастлив лицезреть тебя, о солнце всемогущества! Да продлят духи твои дни и да наполнят их безмерным счастьем и благополучием! Да падут в прах все твои презренные враги!..

«Что за чепуха? – подумал Рэй и проснулся окончательно. Музыка играла в самом деле. И кто-то в самом деле продолжал говорить всю эту витиеватую чушь, переходя с понятного языка на какое-то курлыканье и обратно. – Бехмут! Как же я сразу не узнал его голос?»

– Позволь, владыка, преподнести тебе в этот знаменательный день от себя и всего круга караванщиков Нузара очень редкий дар! Единственный в подлунном мире! Это гордый и непокорный, непобедимый в любом бою воин! Он не толь-

ко чудовищно силён, но и сказочно красив! Его волосы горят настоящим ярким огнём, а глаза блестят весенней зеленью – совсем как у великих героев древних легенд! Он прекрасен лицом и телом, как бессмертный дух пустыни. А кроме того, он – мудрец, знающий несколько языков. Он может быть для тебя кем угодно: охотником, защитником, собеседником, бойцом, украшением... Только ты будешь его хозяином. Только ты способен укротить его дикий нрав и заставить служить себе. И только ты определишь, кем ему быть! О солнцеподобный, прими мой дар! Сейчас ты увидишь, как он неописуемо красив...

Хавьер лежал в сундуке и совершенно равнодушно слушал, как его расхваливают на все лады. Он судорожно сглотнул и снова закрыл глаза, подумав:

«Сейчас этот балаган продолжится...»

Кто-то хлопнул в ладони, после чего крышку сундука со стуком откинули, щит с прикованным к нему Хавьером вынули и куда-то понесли, устанавливая вертикально. Князь Ньетто и не подумал поднимать раскрашенные чем-то там веки. Его вообще нисколько не интересовало всё здесь происходящее. Караванщик изо всех сил продолжал нахваливаться своим подарком.

Вдруг раздался резкий властный голос, который заставил

Бехмута замолчать, а пленника обратить внимание на окружавших его людей и открыть глаза:

– Норрьего?! Хавьер, это ты?

– Шафар?!

Султан как-то очень странно взглянул на посмевшегося подать голос кордийского зверя и тут же вынес решение:

– Я принимаю твой дар, Бехмут. А теперь – быстро освободи моего нового раба от всех оков!

Услышав приказ, караванщик прежде всего потянулся было туда, где у него обычно находился пистолет, но вовремя остановил руку. Холодное оружие во дворце могла носить только стража султана, а уж про огнестрельное и речи не было. Бехмут растерянно оглянулся, потом снова повернулся к владыке Нузара и быстро поклонился, произнеся дрогнувшим голосом:

– Солнцеликий... Этот раб совсем дик и не обучен... Мы не дерзнули лишить тебя удовольствия самому усмирить зверя... Он наверняка попытается напасть и бежать... Он – великий воин...

Повелитель лишь нетерпеливо дёрнул плечом.

– Я знаю, Бехмут. И даже больше, чем ты. Я сам видел его в бою. И не раз. Только не знал, что он рыжий... Освободить немедленно! И поосторожнее! Не приведи вас духи ранить

его! А вы, – приказал султан слугам, не отрывая взгляда от своего подарка. – Быстро принесите достойную моего друга одежду!

Караванщику ничего не оставалось, как только выполнить волю своего господина. На всякий случай, прежде, чем позволить раскрыть замки на оковах уже помещенного обратно в сундук зверя, Бехмут наклонился к нему и быстро зло прошипел:

– Только дёрнись, и твой мальчишка тут же умрёт! Понял?!

Рис промолчал, лишь чуть прищурился, раздражающе-высокомерно ухмыльнулся и сплюнул с губы серьгу. Бехмуту безумно захотелось тут же захлопнуть крышку сундука и немедленно отправить этого мерзавца в самую глубокую алмазную копь. Но воля владыки священна. Караванщик постарался успокоиться, отошёл в сторону и махнул страже.

Через десять минут Рис уже свободно стоял перед султаном. Этого кордийского выскочку обрядили в золотую парчу и разноцветные шелка как самого знатного вельможу.

Тут Бехмут увидел что-то совершенно невозможное: владыка Нузара *улыбнулся рабу*. Затем султан произнёс:

– Садись, друг мой. Мы поговорим с тобой позже, наедине. А пока – отдыхай, угощайся, и давай дослушаем Бехмута.

– Хорошо. – Наглый раб, как ни в чём не бывало, лишь слегка склонил голову, потряхнув перевитой жемчужными нитями гривой.

Затем он сел в предложенное кресло возле накрытого легкими закусками и напитками стола, отпил из бокала несколько глотков и совершенно спокойным ровным голосом обратился к повелителю на кордийском:

– Могу я только попросить тебя даровать мне милость?

Бехмута пробил ледяной пот:

«Что?! Мою голову?!...»

– Конечно. – Владыка Нузара благосклонно кивнул. – Всё, что пожелаешь.

Караванщик почти перестал дышать.

«Надо было сбросить его тогда с корабля вместе с клеткой!!!»

– Благодарю тебя, владыка. – Проклятый мерзавец сволочно улыбнулся. – Видишь вон тот второй сундук? Внутри находится мой воспитанник. Прошу, отдай его мне. Я с удовольствием познакомлю вас. Только он ещё очень молод, горяч и горд. Позволь ему не показываться тебе в том замечательном виде, в который его привёл уважаемый караванщик.

Султан рассмеялся.

– И только-то? Будь по твоему. Бехмут!

Тот нашёл в себе силы сделать шаг вперёд, поклониться и громко ответить на призыв господина:

– Да, владыка...

– Я принимаю и второй твой дар, – продолжил султан. – Повелеваю, чтобы он принадлежал отныне моему другу. Отнеси сундук за ширму, освободи моего нового раба, достой-

но одень и приведи сюда.

– Благодарю тебя!

Ушлый Рис опять едва склонил голову, а затем сказал громче, обратившись в сторону сундука:

– Рэнсор! Слышите меня? Вас сейчас освободят. Одевайтесь, а потом идите к нам. Я представлю вас великому султану Нузара!

Бехмут молча ещё раз поклонился с каменным, словно плиты мест казней, лицом и махнул страже. Те подняли сундук с Кемом и занесли за стоявшую в углу зала шёлковую ширму. Туда же устремились многочисленные слуги с дорогой одеждой. Бехмут нехотя последовал за ними, от души жалея, что при нём нет даже кинжала.

«Что же теперь будет?! Мальчишка – последняя защита от этого дикого зверя! А сейчас они оба окажутся на свободе! И кинутся убивать всех без разбора! Нужно будет встать от этой парочки подальше... Нет... Владыка ведь его узнал... Кордийцы, похоже, и вправду друзья султана. И теперь точно начнут ему на меня жаловаться! Или зарежут на месте за все унижения... О духи... Будь проклят тот день, когда я послушал Тозаля и купил этих двоих!»

Вскоре разрываемый самыми противоречивыми чувствами Бехмут подвёл к трону растерянно озирающегося Кема. Рис тут же подскочил к ним, ухватил мальчишку за другую руку и, забирая того себе, сделал три шага вперёд.

– Владыка! Позволь представить тебе моего воспитанника

и друга: законный князь Тарда Рэнсор Драммонд, один из самых знатных дворян Кордии.

Султан снова милостиво улыбнулся и кивнул, тоже переходя на кордийский язык:

– Я рад приветствовать тебя, Рэнсор. Друг моего друга – мой друг. Садитесь и отдыхайте. Давайте досмотрим церемонию до конца.

Стоявший с потерянным видом Кем каким-то, наверное, привычным ему жестом наклонил голову. Рис опять крепко схватил его под руку и быстро утянул в сторону кресел.

Успевший переместиться оттуда подальше Бехмут смотрел сейчас только на владыку и уже примерял на себя все мыслимые и немыслимые виды пыток. Тут султан удостоил своего караванщика взглядом. Рахт вздрогнул всем телом так, будто над ним взревела огромная труба.

– Бехмут, я доволен твоим подарком! Ты порадовал моё сердце дважды, подарив двух новых рабов. За это я отмечу тебя и всех, кто входит в твой круг своей милостью и на год избавлю вас от половины податей. А ты сам получишь от меня особый дар на свой выбор.

Не поверив тому, что услышал, караванщик на мгновение замер. Он не только останется жить, но и получит награду! Всё было не зря! Бехмут почувствовал себя так, будто только что родился заново. Он счастливо-облегчённо выдохнул и согнулся в глубоком поклоне, с трудом подбирая и произнося слова благодарности:

– О солнцеликий! Доставить тебе радость – уже великая награда для меня!..

После того, как Бехмут наконец-то откланялся и удалился, церемония вручения даров на день рождения султана продолжилась. Хавьер и Рэнсор увидели, как в течение нескольких часов владыке Нузара преподносили всевозможные диковинки: редких зверей из-за моря, разукрашенных с головы до ног рабов, изысканные драгоценности, древние книги, живописные полотна, статуи самых разных размеров, инкрустированное оружие со всех концов света...

Казалось, церемония будет длиться вечность.

Наконец, поток дарителей иссяк. Султан подозвал к себе одного из наиболее богато одетых вельмож:

– Распорядись насчёт всего этого, Сихав. А мне пусть подадут ужин на террасу. На троих.

Хавьер, Рэнсор! Пойдёмте, друзья мои. Нам есть, что обсудить.

1.4

За этот безумный день произошло множество невероятных событий, но больше всего Рэя потрясло почему-то именно то, что Норрьего назвал его своим воспитанником.

Не сам ли он ещё совсем недавно сказал, что считает возложенные на него королём обязанности по опеке полностью исполненными? А их последняя встреча в подземельях Триволи? Это его презрительно ледяное, брошенное прямо в лицо: «Я вам больше никакой не патрон, князь!»

Рэя до сих пор сильно коробило, когда он вспоминал этот момент.

Но самое главное – он сейчас был Норрьего безмерно благодарен. Рэй еле-еле смог вытерпеть все те унижения, через которые ему пришлось пройти в купальне у Бехмута. И то, только благодаря завязанным глазам, так как он не совсем понял, что именно с ним сотворили. А у султана, слушая, как караванщик, будто специально для него переходя на кордийский язык, во всех красках нахваливает небывалую красоту князя Ньетто, Рэй вдруг представил себе, как сейчас и его самого достанут из сундука словно игрушку из ларца на но-волетие, выставят на всеобщее обозрение, начнут рассматривать, обсуждать, тыкать пальцами... А он – в таком виде! Это же позор на всю жизнь!

В ожидании невероятного публичного унижения, охва-

ченного страхом Рэя уже начала было колотить нервная дрожь. И тут он услышал: «Это мой воспитанник...» Норрьега и здесь его спасал! Как утопающий за соломинку, сходящий с ума от одних только мыслей о том, через что ему сейчас придётся пройти, Рэй ухватился за этот спокойный голос. «Идите к нам...» И он, освобожденный от оков, как во сне выбрался из сундука, дал себя одеть и подвести к трону.

«Это мой воспитанник и друг...»

Определённо, этот мир сошёл с ума. И князь Драммонд вместе с ним. Разве Норрьега мог такое сказать после всего того, что произошло между ними в Кордии этой осенью?

Сейчас, всё ещё немного ошарашенный переживаниями прошедшего дня, Рэй сидел на террасе дворца султана за роскошно накрытым столом и, не глядя на участников беседы, пытался вслушаться в идущий на корди разговор.

– ... Не угодил человеку, захватившему власть. Ты же знаешь, как преданно я всегда служил Алегорду. Когда столицу взяли штурмом, я был на полпути туда от Ривера. Я должен был успеть привести помощь, но предатели открыли ворота Кестерии. Не секрет, как это бывает: вечно недовольные придворные, дворцовые заговоры, иностранные шпионы... А потом... Потом этот так называемый принц потребовал, чтобы я приказал войску отойти, а сам сдался в обмен на

сохранение жизни короля и ещё сотни заложников из старого дворянства. Я подчинился. Но и это не помогло. Алегорд умер в тюрьме. Он, как оказалось, был серьёзно ранен. А севшее на трон Кордии ничтожество посмело заявить мне, что я теперь, видите ли, обязан служить только ему и вообще должен слушаться его, как раб своего господина. Я и плюнул ему прямо в лицо, сказав, что никогда никому рабом не стану! И вскоре оказался в железной клетке на пути к тебе. А потом меня нашёл Бехмут. Чего у него, конечно, не отнять, так это нюх на редкий товар. Он точно знал, что именно тебе может понравиться!

– Да, Хавьер... Бехмут никогда не возвращается с охоты с пустыми руками. У него действительно есть особый дар находить редкости. Он уже много лет привозит мне самое интересное со всего света. Теперь вот – тебя с воспитанником... Знаешь, это и хорошо, и плохо.

– Почему же – плохо?

– Почему? Хотя бы потому, что перед людьми и духами вы теперь мои рабы по закону. Я при визире со всеми придворными принял вас в дар от Бехмута и его круга. И если прямо сейчас отпущу на волю, это будет значить, что караванщик мне или не угодил, или даже сознательно нанёс оскорбление, подарив негодных рабов. По закону я должен буду его покарать. Вместе с семьёй, а также другими торговцами с их семьями, потому что он делал подарок не только от своего имени... А если бы вас не принял, вы остались бы во власти

Бехмута. Я вообще не смог бы вас освободить. Распоряжаться судьбой раба может лишь его законный хозяин. Так что самое малое, год тебе придётся прожить здесь. Зато внутри дворца ты будешь совершенно свободен!

– Вот как... Что же... Тогда нам нужно будет придумать, чем заняться... Но что мы всё обо мне? Расскажи лучше о себе. Как вышло так, что мой боевой товарищ, риверский наёмник капитан Шафар, оказался султаном Нузара?

– О, тут всё очень просто, Хавьер. Я и тогда уже был султаном. Но, знаешь ли, жизнь во дворце довольно однообразна. И я иногда устраиваю себе такие забавные развлечения, как участие в небольшой войне. А Риверскую кампанию я просто не мог пропустить, когда узнал, что туда приедешь ты. Я очень много о тебе слышал и хотел познакомиться с лучшим фельдмаршалом Кордии лично. Но только не как султан. Вот и приплыл на своём корабле под видом наёмника. Это была славная битва! Одни только твои засады на галерах чего стоили!

Боевые товарищи погрузились в воспоминания, а Рэй, всё это время рассматривавший разноцветные лепестки в своей чашке, мог только кусать от досады губы до крови.

Незадолго до боёв за влияние на лежащий между Кордией и Джержегой остров Ривер Драммонду исполнилось шестнадцать лет. Ему так не терпелось доказать всем вокруг, что он наконец-то стал взрослым и самостоятельным. Так хотелось вернуться в Тард полноправным князем...

Норрьею предупредил его тогда, что им лучше оставаться вместе, что вокруг очень много врагов и интриг. Предлагал получить армейский чин, чтобы пойти вместе на Ривер... Но Рэй патрона слушать не стал. Просто потому, что мог теперь это сделать.

Фельдмаршал уехал из Норрвальдо на очередную войну, а молодой правитель Тарда отправился на родину. Там его уже ждали посланцы претендента на престол Кордии принца Шарля Мадино.

Они-то и рассказали Рэю в самых ярких красках и жутких подробностях, как именно погиб его отец. Что благородный князь Тарда Тирдэг Драммонд хотел свергнуть ничтожного тирана Алегорда Кестера и вернуть свободу своим землям, для чего поднял восстание. И что утопил это самое героическое восстание в крови не кто иной, как безжалостный фельдмаршал узурпатора Хавьер Норрьею. А самого Тирдэга этот отпетый негодяй и мерзкий преступник подло застрелил в спину. Да ещё при этом последними словами поминал умершую родами шестнадцать лет тому назад мать Рэя...

После таких откровений он и слышать больше не захотел о бывшем патроне, в доме которого вполне благополучно провёл последние шесть лет. Сам Норрьею никогда не говорил о подробностях гибели Тирдэга, что, конечно же, подтверждало его вину! Он только притворялся нормальным человеком, а сам все эти годы потешался над ничего не знающим Рэем! Этот князь Норрьею ничем не отличается от своего крова-

вого предка! Такое же чудовище...

Полноправный князь Тарда примкнул к войскам Мадино и вместе со своими людьми участвовал в штурме столицы Кордии Кестерии.

Как же пылало тогда его сердце! Любовью к Шарлю и ненавистью к Норрьего!

Уже после коронации Мадино, Рэй узнал, что его бывший патрон находится в стенах самой страшной тюрьмы королевства, и что скоро должна состояться казнь. Шарль зачем-то разрешил им свидание, и тогда Рэю пришлось опять увидеть владыку Ньетто. Со спутанными рыжими (рыжими!) волосами, ещё более бледного, чем обычно. Измученного, израненного с головы до пят, сильно истощенного, закованного в неподъёмно тяжелые цепи...

Казалось бы, он, как Драммонд, должен был торжествовать. Непобедимый кровный враг оказался повержен! Но Рэй почему-то ощутил тогда только необъяснимую жгучую боль в глубине сердца. Он от всей души захотел что-то сказать, но тут лежавший на едва покрытом прелой соломой каменном полу Норрьего открыл глаза.

Холодные. Чужие. Презирающие. Смерил вошедшего уничтожающим взглядом и тихо, но твёрдо произнёс:

– Что вам угодно, князь? Тоже хотите убедить меня стать предателем? Таким же, как и вы?

– Но, патрон...

– Я вам больше никакой не патрон, князь!

После этих обжигающих льдом презрительных слов Рэй как мог быстро выбежал из камеры и хлопнул дверью. Он всё сделал правильно! Норрьего – кровавый палач, достойный казни! А он сам – сподвижник и близкий друг истинного короля, который принесёт Тарду свободу! Всё было правильно!

Вот только оказалось, что друзей у Мадино не было. Новый король только и делал, что искал повод, чтобы поскорее избавиться от Рэя и прибрать в казну его богатые самоцветами земли. И такой случай вскоре представился...

Как стало понятно только сейчас, на самом деле его просто использовали в чужой игре. А он поверил. Отрёкся от единственного заботившегося о нём человека ради... Ради чего?

Теперь уже ничего не изменить и не исправить. Так, как было прежде, уже никогда не будет... А вся его вера в нового справедливого короля, как Рэй только что осознал, рассыпалась пеплом и осталась в песках пустыни...

– Рэнсор! Угощайтесь. Вы совсем ничего не едите. Попробуйте вот эти рулетики с козьим сыром и зеленью. Они восхитительны! – Норрьего протянул блюдо с закусками и прервал горестные размышления Рэя.

Тот вскинул голову, благодарно кивнул, ухватил предложенный рулетик и опять устался в свою чашку с каким-то пахучим цветочным настоем.

– А скажи-ка мне, Хавьер...

– Да, Шафар?

– Каким чудом Бехмут смог уложить тебя в сундук в таком виде? Я повидал немало рабов. Не похоже, что ты был без сознания. Как он заставил тебя подчиняться? Ты ведь даже серьгу с губы не скинул.

– Я всегда говорил, что у тебя зоркий глаз, Шафар. Ты прав. Я действительно добровольно пошёл на всё это. Потому что за малейшее непослушание Бехмут грозил Рэнсору неминуемой, позорной медленной смертью. А ты знаешь, что я всегда ставлю жизнь и благополучие близких мне людей выше своих собственных.

Эти слова оглушили Рэя как раскат весеннего тардского грома над головой. Больше он уже ничего из разговора за столом не слышал.

Казалось бы, после долгого времени, проведённого на голых досках рабской клетки, мягкая кровать должна была усыпить Рэя моментально. Но этого не случилось.

Он полночи пролежал без сна, беспокойно ворочаясь с боку на бок, потом поднялся, оделся и, осторожно ступая, пошёл в соседние комнаты, отведённые Норрьего.

Возле дверей он остановился и прислушался. Всё было тихо. Рэй с полчаса подождал у входа сам не зная чего, и уже собрался идти обратно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.